Нестерова Л. А.
"РОМАНТИК", "САНЬКА", "ТРЕТИЙ ЗВОНОК": НЕИЗВЕСТНЫЕ РАССКАЗЫ Л. БОРОДИНА
Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/67.html
Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник
Альманах современной науки и образования
Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 157-161. ISSN 1993-5552.
Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html
Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"
Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

для читателя синонимами, антонимами, однородными членами, делают частью параллельных конструкций или синтагматических единиц, характеризующихся высокой степенью клиширования.

Список использованной литературы

1. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 576 с.
2. **Брандес М.П.** Стилистика немецкого языка: Для ин-тов и фак. иностр. яз / Учебник - М.: Высш. шк., 1983. - 271 с.
3. **Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М.** Стилистика английского языка: Пособие для студентов пед. вузов / под ред. Н.Н. Амосовой. - Л.: Учпедгиз, 1960. - 172 с.
4. **Морен М.К, Тетеревникова Н.Н.** Стилистика современного французского языка. - М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз-ках, Москва, 1960. - 299 с.
5. **Раздобудько-Чович Л.И.** К вопросу об исторической стилизации в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (К 200-летию со дня рождения).: http://www.ni.ac.yu/ Facta UNIVERSITY OF NIŠ The scientific journal FACTA UNIVERSITATIS Series: Linguistics and Literature Vol. 2, No 6, 1999. - pp. 21 - 32.
6. **Райнеке Ю.С.** Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия): Диссертация на соискание уч. ст. канд-та филол. наук. - Москва. - 2002. - 155 с.
7. **Тураева З.Я.** Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». - М.: Просвещение, 1986. - 127 с.
8. **Шаховский В.И.** Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Сб.: Коммуникативные аспекты значения. - Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990: http://www.russcomm.ru.
9. **www.lib.aldebaran.ru.**

Источники и принятые сокращения

1. **Banks Russel Cloudsplitter.** - Harper Perennial, Harper Collins Publishers Inc., 1999. - 758 p.
2. **Cather Willa Later Novels.** - New York, NY.: Literary Classics of the United States, Inc., 1990. - 988 p.
3. **Chevalier Tracy Girl With a Pearl Earring.** - Penguin Books Ltd, 1999. - 233 p.
4. **LDELC - Longman Dictionary of English Language and Culture.** - Pearson Education Limited, Third Edition, 2005. - 620 p.
5. **БСИС - Большой Словарь Иностранных Слов** / Сост. А.Ю. Москвин. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. - 816 с.
6. **БСЭ - Большая Советская Энциклопедия** в 30-ти томах, электронный вариант, 3 CD.

«РОМАНТИК», «САНЬКА», «ТРЕТИЙ ЗВОНОК»: НЕИЗВЕСТНЫЕ РАССКАЗЫ Л. БОРОДИНА

Нестерова Л. А.
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Удивительно, что до сих пор не изучены самые первые рассказы Л. И. Бородина. Впервые о том, что они были опубликованы в областной газете г. Луга Ленинградской области «Лужская правда», стало известно из интервью писателя журналу «Русская литература» в 1998 году. Тем не менее, ни в одном из авторитетных изданий, таких как библиографический словарь «Русские писатели XX в.» 2000 года, ни в других изданиях подобного рода не упоминаются дебютные произведения прозаика.

Следует отметить и то, что сам Л. Бородин в многочисленных интервью подтверждал тот факт, что писать начал *только в лагере*, то есть не раньше 1967 года. Таким образом, рассказ о творческой биографии писателя традиционно начинается с 1969 года - года написания «Повести странного времени», - а не с декабря 1966 года, когда на последней страничке «Лужской правды» появился рассказ молодого директора школы станции Серебрянка «Романтик», а через месяц - «Санька». «Третий звонок» публикуется за шесть дней до ареста Л. Бородина, одного из членов ВСХСОН (Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа)[1], - 13 февраля 1967 года. В редакцию газеты автор принес десять рассказов, все десять редактор «Лужской правды» взялся печатать, но только три из них успели напечатать. Они-то и составить дебют Л. Бородина. Следующая открытая публикация прозаика на Родине произойдет лишь в 1988 году в газете «Литературная Россия», - спустя 21 год. Зарубежные публикации писателя начнутся только с 1975 года в журнале «Грани».

«Романтик». Кажется символичным, что название первого опубликованного рассказа Л. Бородина - «Романтик». Не раз литературные критики отмечали тяготение писателя к романтическим тенденциям в плане стиля, тематики, художественных приемов (Е. Клименко, Л. Аннинский, И. Савкина и др.). Люди, близко знавшие и знающие писателя (И. Глазунов, В. Бондаренко, Г. Владимов, А. Варламов), называют его романтиком в жизни и в литературе. Исследовательница И.А. Казанцева отмечает: «Творческая концепция действительности Л. Бородина своеобразна гармоничным, всегда художественно оправданным сочетанием элементов двух типов творческой работы: реалистического и романтического» [Казанцева 1994: 5]. Эта черта поэтики прозы будущего автора «Года чуда и печали» и «Женщины в море» видна уже в первых его опытах.

---

[1] Программу Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (Народно-революционная хартия) см., например: Бородин Л. Без выбора: Автобиографическое повествование. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 444 – 487.

«Романтик» написан на автобиографической основе, что характерно для многих, в том числе и поздних произведений Л. Бородина. Действие происходит на Братской ГЭС, вероятнее всего, в 50-х годах.

Рассказ начинается так: «Когда я слышу слово «романтик», то всегда вспоминаю одного паренька, с которым меня свела судьба много лет назад на Братской ГЭС». Далее читатель знакомится с центральным персонажем - образцом романтического характера. В тексте это особенно ярко выражено в портретных характеристиках са́мого юного персонажа рассказа. Здесь и контрастность внешнего вида: «Парень в общем-то был какой-то несуразный. Длинные ноги, длинные руки, длинная шея, пионерский чубик, мордочка деревенская..». И внимание к необычным глазам: «… глаза на удивление строгие и серьезные, очень серьезные, до смешного». И говорящий без слов точный жест или яркий взгляд: «… я видел только плотно сжатые губы и глаза, в которых выражение испуга переходило в восхищение, а восхищение сменялось тревогой, а тревога - любопытством, переходящим в восторг», или «по тому, как подпрыгнули брови, как блеснули глаза, как пальцы впились в край стола, все поняли, что случайно поставленный вопрос <«Ну, а ты о чем мечтаешь, парень? О космосе, поди?» - Л.Н.> попал в самую точку».

Описание внешнего облика героя контрастирует с описанием бурильщиков, их совсем неромантичной жизнью «в лесу, в наскоро сколоченном бараке, <где они> спали на деревянных нарах. По очереди ходили в магазин и на почту, все вместе - на танцы в Зелёный посёлок»[1]. Парнишка становится членом этой бригады, разделяя с ними весьма «реалистичные» будни трудной работы. Рассказ развивается в жанре байки: вот байка о том, как паренька с очень серьезными глазами, «серьезными до смешного», прокатил шофер-лихач на МАЗе; другая байка о поджаренных сапогах малого, по незнанию поставившего их прямо на плиту. По началу и рассказчик, и читатель по-доброму улыбаются, глядя на неприспособленность мальчика к бытовой жизни. А его чересчур романтизированные взгляды, поведение совсем не вписываются в грубую жизнь тружеников Братской ГЭС.

Идея подшутить на пареньком кажется поначалу забавной. Бригадники рассказывают шестнадцатилетнему мальчишке о том, что якобы недалеко строится космическая площадка, куда набирают добровольцев - будущих космонавтов. Жизнь у них нелёгкая: «Четыре года работать под землёй. Это - раз! Ни родных, ни знакомых не видеть. А работа какая! Не исключено, что можешь радиацию подцепить, тогда пропала жизнь!». Но смелое сердце юного энтузиаста не боится трудностей. И вот он уже пишет под диктовку заявление: «Прошу принять меня на работу по строительству станционной площадки. Готов к любым трудностям. Подпись». Чем дальше заходит эта кажущаяся теперь глупой и жестокой шутка, тем яснее и явственнее ощущается нарастающее напряжение в предчувствии разоблачения обмана. Это разоблачение происходит «искусственно и безжалостно»: «… назавтра он ушёл совсем, - пишет в финале автор о 16-летнем романтике. - Ушел, и я его больше никогда не видел. Мы искали его, но не нашли». Интонация рассказчика меняется, и читателю уже не до веселья от возникшего неприятного ощущения украденной детской мечты, от чувства несправедливого осмеяния глубинных, искренних надежд шестнадцатилетнего парня, готового на героический поступок во имя служения Родине.

Кажется, теперь очень трудно преодолеть горькое послевкусие после прочитанного. Но автор гармонизирует финал. Он привносит надежду и светлую радость в последние строки рассказа: «Не знаю, где он сейчас (шестнадцатилетний романтик - Л.Н.). Может быть, нашёл то, что искал. Наверное, нашёл. Потому что через год взлетел в небо первый спутник, а затем волшебной музыкой зазвучали имена первых космонавтов. Его имени среди них не было, но почему-то я уверен, что ещё услышу о нём, и, может быть, потому бережно храню листок из тетради - заявление шестнадцатилетнего романтика, готового на любые трудности».

Рассказ удивительно искренний и добрый, затрагивающий при этом важные нравственные вопросы: насколько важно иметь твердую жизненную позицию и быть готовым к невероятным трудностям ради последовательной её реализации; гуманно ли насмехаться над светлыми идеалами «по-детски восторженной души»?..

Спустя 30 лет текст этого рассказа прочитывается сложнее, нежели только повествование о человеке, твёрдо верящем в свою мечту и готовом пожертвовать жизнью ради её осуществления. В советской районной газете идея рассказа могла быть воспринята вполне традиционно - в русле соцреализма: моральная победа жизнеутверждающей, светлой идеи об удивительно прекрасном будущем юного строителя Братской ГЭС.

Видится в этом рассказе и некая идеологическая бомба, которая тогда, в конце 60-х чувствовалась, возможно, только самим автором и членами подпольной организации, якобы «по заданию» которой этот рассказ был сдан в печать. Ведь опыт Братской ГЭС тогда впервые дал возможность Л. Бородину почувствовать близость (географическую и личностную) гулагов и их мучеников. В автобиографическом повествовании 2003 года мы находим страницы воспоминаний об этом периоде биографии писателя: «Кратчайшая густо замешенная грязью дорога проходила мимо небольшого вспомогательного котлована, обнесенного рядами колючей проволоки, почти вплотную с ней. Пару раз я уже ходил этим направлением, видел, конечно, и проволоку, и копошащихся внизу людишек, знал, что - заключенные …» [Бородин 2003: 18]. В 1966-ом автор «Романтика» не мог дописать в своём рассказе строк о бывших зеках, работающих в бригадах Братска,

[1] В автобиографическом повествовании «Без выбора» в главе «Братские уроки» читаем: «Наша бригада бурильщиков располагалась в бараке, что на правом берегу Ангары, на самом краю ещё тогда полупустого микрорайона под названием Братск-3. Оттуда, из глухомани, нам приходилось топать несколько километров в магазин, в кино, на почту» // Бородин Л. Без выбора. – С. 18.

но, несомненно, он держал это в голове. Действительно, впервые именно на этой огромных масштабов стройке Л. Бородин впервые почувствовал несовершенство той системы и власти, перед которой он буквально преклонялся и свято верил в её идеалы, и был готов «на любые трудности»… А сколько таких романтиков-энтузиастов было по всей стране?!

Ещё об опыте, полученном на Братской ГЭС: «Именно там, на Братской ГЭС, узнал я, что являюсь соучастником первейшего в истории Страны Советов дивного эксперимента: осуществления великого строительства народно-хозяйственного значения силами свободных людей. Что, оказывается, до того все подобные и бесподобные замыслы осуществлялись исключительно многотысячными контингентами либо заключенных, либо военнопленных» [Бородин 2003: 17]; «То была моя первая, а возможно, и единственная в жизни «ломка»: взламывался, раскалывался на части данный мне природой дар любви, я знаю - он был первичен!» [Бородин 2003: 18].

Ввиду обозначенного контекста, мечтания юного бурильщика воспринимаются не только, и не столько, с юмором, или даже с весомой долей иронии, а с какой-то горечью, чувством разочарования и обиды. Обманы государства страшнее невинных шуточек «братцев». Кажется очевидным, что образ романтика явился в какой-то мере собирательным образом значительной доли советских идеалистов, участников всевозможных всесоюзных строек XX века.

«Санька». Героем второго рассказа стал школьник Санька. Сегодняшнему читателю он кажется давно знакомым, по крайней мере, очень узнаваемым персонажем по таким произведениям Л. Бородина, как, например, «Год чуда и печали», «Музыка моего детства», «Лютик - цветок желтый», «Повесть о любви, подвигах и преступлениях старшины Нефёдова», «Справа - гора Казбек…». Образ мальчишки в произведениях писателя приобретет типические черты характера и даже биографии. Есть основание предполагать, что в основу этого образа у Л. Бородина легло «припоминание» своего собственного детства. Не случайно, почти все упомянутые выше произведения написаны от первого лица (рассказчик - он же свидетель произошедших событий), а действие в них происходит на исторической родине прозаика, - «у подножья серых скал», на берегах «славного моря Байкал».

Упрямые, принципиальные, честные, чистосердечные и порой совсем не по-детски серьезные и мудрые, юные герои Л. Бородина всегда являют собой нравственные идеал человека с незамутненной душой, принимающего мир открытым сердцем и умом. Санька стал первым в ряду «взрослых» детей в прозе писателя.

Что поражает в этом рассказе, так это та необыкновенная *атмосфера детства*, которая создается автором «Саньки». «Добротная детская память» Л. Бородина по-бунински тонко, со всеми мельчайшими оттенками чувств, мыслей, запахов, красок, ассоциаций воссоздает мир ребёнка. Здесь иная оптика восприятия окружающего мира. Открывается значимость, казалось бы, таких мелочей, которые забываются в мире взрослых и заменяются другими, наносными проблемами. Взгляд ребёнка очищает мир от надуманных сложностей и конфликтов. Чистота души открывает чистоту бытия человека.

Вот начало рассказа: «Больше всего в своей жизни Санька ненавидел свой собственный нос. <…> Всегда, стоило только Саньке <…> просто искупаться в речке в прохладную погоду, как провокатор-нос немедленно докладывал об этом родителям». Читатель уже ждёт, что и в этот раз нос сыграет злую шутку с Санькой. Так оно и будет, по крайней мере, в вúдении всего случившегося самим мальчиком.

Фабула рассказа такова: из-за простуды Санька остаётся дома тогда, как все с его двора ушли купаться на речку. В скверике соседнего дома он замечает девочку. «Саньке было ещё мало лет, но он уже знал, что нет никого глупее и трусливее девчонок. И как всякий самостоятельный парень, он презирал их. Однако скука есть скука. От скуки можно понаблюдать и за девчонкой. Но наблюдать-то собственно было нечего. Девочка сидела и читала. Но Санька-то хорошо знал, что она не просто сидит, а «воображает».

От скуки, конечно, он решается с ней заговорить. «Через некоторое время они болтали, как хорошие друзья». Но их дружбе помешал Люсин папа, который запретил дочери играть с хулиганом.

Сцена разговора Саньки с отцом Люси являет собой настоящую *словесную мужскую дуэль*, закончившуюся не в пользу взрослого.

Мальчик в этом поединке выглядит очень достойно. Он - независим, упрям, справедлив. С глубоким чувством собственного достоинства выслушивает все обвинения в свою сторону: « Глаза у Саньки покраснели от обиды, но он был упрям <…>.

И вдруг - на оскорбления начал реагировать … нос. Санька швыркнул.

- А носовой платок ты имеешь, жених?

Санька снова швыркнул.

Платок остался дома.

- А скажи-ка мне, уважаемый, кто за тебя, такого сопливого, замуж пойдёт?

И у поэтов бывает конец терпению».

На примере этого отрывка, мы видим, что для папы девочки Санька - сопливый хулиган, которого нужно как следует проучить. Для Саньки же папа Люси - прежде всего обидчик, безосновательно оскорбляющий «заслуженного в классе» поэта и просто гордого и достойного уважения человека.

В их разговоре кажется художественно оправданным использование здесь приема синекдохи: папа в глазах мальчика (учитывая рост юного борца за справедливость) - огромное пузо с подтяжками. Оттого, с одной стороны, мужчина кажется огромным и ужасным хотя бы из-за своего внушающего страх размера, а с

другой, - создается юмористический эффект, дающий эмоциональный противовес сопливому Саньке перед «животом, по которому прыгали и щёлкали подтяжки».

Ребёнку свойственны внешние черты поведения и мировоззрения романтического героя, поэтому неудивительно, что Санька - романтик и при этом *поэт*. Все его эмоции - в возмущенных мыслях, в горящем от обиды взгляде, а также - в жгучей сатирической поэзии: «Пузо, пузо, толстопузо! / У вас в пузе много груза!».

Финальные строки рассказа демонстрируют не столько «поэтический талант» маленького рифмоплета, сколько его моральную победу над Люсиным папой. Он проявил последовательность и настойчивость, свойственную не каждому взрослому: «А назавтра Люсины родители имели возможность ещё раз познакомиться с поэтическим талантом Саньки. На их стороне забора было четверостишие <…>: «Пусть твой папа ругается.// И насмехается пусть.// Люся, когда я вырасту,// Я на тебе женюсь!».

Этот рассказ может войти в золотой фонд детской литературы: в небольшом по объему произведении Л. Бородин затрагивает ряд важных морально-нравственных проблем. Очень ненавязчиво, в легкой манере писатель подводит к мысли о том, что независимо от возраста человеку важно упрямо держаться своей позиции и отстаивать свою правоту с достоинством.

«Третий звонок». Тема любви - одна из доминантных в творчестве Л. Бородина. Несмотря на то, что часто в его произведениях любовью оправдываются многие обычно осуждаемые людьми поступки, это чувство никогда не заставляет персонажей книг писателя идти против совести, наоборот, истинная любовь заново открывает человека самому себе и окружающим, помогая проявиться самому светлому и честному (подлинному) в душе влюбленного.

«Третий звонок» - одно из самый трогательных, психологически тонких произведений Л. Бородина. Важную роль в построении сюжета играет *мотивная структура* и *композиция* рассказа.

Мотив духоты (удушья) начинает звучать с первых строк произведения: «Компания уже «тёпленькая». От всего *выкуренного* в комнате полусумрак, сквозь который в дальнем углу просматривается *задушенная* игрушками маленькая ёлочка» (Здесь и далее в цитатах курсив мой - Л.Н.). Гости - в восприятии центрального персонажа рассказа Владимира Фёдоровича Мухина - безлики, их фигуры отрывочны, мозаичны. Автор использует приём синекдохи, воссоздавая прежде всего психоэмоциональное состояние Владимира Федоровича («Нефёдов, <…> неистово махая *фиолетовыми* запонками, читает *Блока* с хмельным страданием на лице»; удушливые «*ватные* объятия проректорши»; «геометрическая туча» фигуры Полянского). Таким образом, мотив удушья находит своё развитие и в способе обрисовки некоторых гостей.

Мотив *времени* также является сквозным *композиционным мотивом* «Третьего звонка». Три звонка, упомянутых в заглавии, должно быть, отмеряют время, по прошествии которого произойдёт нечто важное. Возникает ассоциация с театральными звонками, именно поэтому и начало рассказа, насыщенное шумными разговорами, отрывочными появлениями и исчезновениями людей (масок) напоминает атмосферу закулисья.

В начале рассказа мотив неестественности, театральности, звучит особенно навязчиво. Условные детали облика гостей заменяют полноценный образ, как в театре, когда деталь костюма или грим (маска), указывает на тип или характер персонажа. Например, фиолетовые запонки Нефёдова, «медвежья» («геометрическая») фигура Полянского; сладкие, «как две трюфелины», глаза проректорши и её же «ватные объятия».

Средь шумных дебатов на литературные и «философско-космологические» темы Владимир Фёдорович следит за *часами*: «Она (проректорша - Л.Н.) кладёт ему на плечи закольцованные ручки. Мухин косится на левую - там часы: уже половина второго».

Мотив *времени* организует композиционное расположение частей рассказа. По началу просматривается и чёткая временная протяженность событий: без десяти час - половина второго - пять минут третьего - половина третьего. Несмотря на то, что герой вот уже более двух часов отсчитывает время, ожидая определенного момента, когда он сможет уйти, время пролетает быстро. Будто Мухин подгоняет его. Эффект «сжатого» времени на фоне замедленных движений гостей (такой прием можно наблюдать в кинематографе) помогает прочувствовать психологическое состояние человека, ожидающего чего-то действительно важного в его жизни. Ощущение надвигающегося события усугубляет всё усиливающийся мотив *духоты*, и только вырвавшись на улицу, герой «несколько раз всей грудью вдыхает мороз». «Искрящийся снег», «морозные ореол фонарей», «весёлая пара», пустившая в Мухина снежок, мгновенно оживляют героя, свежий воздух заполняет пространство произведения.

Владимир Мухин спешит в квартиру. Интерьер квартиры описан по тому же принципу, что и гости на новогоднем вечере - схвачена только одна (важная на данный момент для героя) деталь: «В углу комнаты на маленьком столике - телефон». Становится очевидным, что он ожидает звонка. С этого момента время начинает тянуться медленнее, хотя фактически проходит не более пяти - десяти минут до того момента, как в квартире раздастся звонок. По деталям[1] можно догадаться, что ожидаемый звонок - от человека, возможно, по-настоящему близкого и любимого. Это его бывшая жена.

На протяжении их небольшого по объему диалога напряжение рассказа создается за счет всей той недосказанности чувств, которая лишь угадывается читателем, но которую не могут раскрыть друг перед другом

[1] Мухин курит. Колечко сигаретного дыма вдруг приобретает форму сердечка «нежного, чуть живого».

бывшие супруги. Нежность, теплота, чувство необходимости друг для друга особенно в такой семейный праздник, как Новый год, скрывается, выливаясь только в несколько дежурных фраз.

Разговор идёт с трудом. Синтаксис коротких предложений (телеграфный стиль) выдает волнение обоих. Автор скупо делится с читателями несколькими фактами биографии героев, за этими фактами стоит целая жизнь, сквозь которую - изношенность сердца, трата душевных сил: «…. Десять лет назад он пригласил её на это танго. Четыре года назад они разошлись. Три года назад она впервые позвонила ему». За тремя предложениями - и история их знакомства, и драма расставания, и трагедия любви.

Но всё же слово не может выразить главного. И только музыка говорит о том, о чем они не решаются сказать друг другу вот уже три года.[1] Мухин «поворачивается к радиоле и включает ещё с вечера приготовленную пластинку. И в тот же момент слышит в трубке:

- Спасибо. Помолчим?

- Помолчим.

Читатель узнает об одиночестве этих людей. Мотив *одиночества* так же можно назвать одним из сквозных мотивов «Третьего звонка». Действие рассказа происходит в Новогоднюю ночь - ночь, когда человек не должен быть одинок. И тем не менее Мухин даже в шумной компании один. Мотив одиночества развивается в рассказе через ряд образов: парочка, встреченная Мухиным на улице - пустая квартира - молчащий телефон…

Натянутость и недосказанность фраз порождает тоскливое чувство тупиковости и безнадёжности ситуации. Автор разрешает возникшее напряжение, заканчивая рассказ надеждой на то, что *третий* звонок станет *последним*. Мухин выбегает из дома, бросается в такси, «уже в такси вспомнил, что забыл выключить радиолу. А пальцы перестал крутить только тогда, когда у сверкающей витрины спящего магазина увидел *одинокую* женскую фигуру». Так мотив одиночества находит своё завершение. Одинокая женская фигура возлюбленной вот-вот встретиться с Владимиром. И тогда… Кто знает, как тогда развернутся события?! Рассказ заканчивается на том месте, где он мог бы только начаться.

«Третий звонок» написан в духе прозы 70-х годов, когда писатели обратили внимание на психологию обыденной жизни, каждодневных отношений людей (произведения Ю. Трифонова, В. Распутина, В. Маканина и др.). Кажется справедливым полагать, что рассказ Л. Бородина вполне может быть включён в число лучших произведений литературы конца 60 - начала 70-х гг.

Поводя предварительные итоги, можно сказать, что уже в первых прозаических опытах Л.И. Бородина («Романтик», «Санька», «Третий звонок») заложены характерные для будущего творчества писателя темы (любви, справедливости, ответственности за поступки и слова), проблемы (преимущественно нравственно-философского характера: выбор жизненного пути и позиции, взаимопонимания и одиночества людей) и особенности поэтики (мотивная структура, способы создания образов героев).

Список использованной литературы

1. **Аннинский Л.** Правды и правдежки // Литературная газета. - 1990. - 7 ноября. - № 45. - С. 5.
2. **Бородин Л.** Романтик // Лужская правда. - 11 декабря. - № 196 (9676). - 1966. - С. 4.
3. **Бородин Л.** Санька // Лужская правда. - 19 января. - № 11 (9699). - 1967. - С. 4.
4. **Бородин Л.** Третий звонок // Лужская правда. - 12 февраля. - № 25 (9713). - 1967. - С. 4.
5. **Бородин Л.** Баргузин // Литературная Россия. - 1988. - 13 мая. - С. 12-13.
6. **Бородин Л.** «Из писателей я самый счастливый человек…» (Беседу вел В. Запевалов) // Русская литература. - 1998. - № 3. - С. 117-130.
7. **Бородин Л.** «В смутное время нужно делать ставку на идею» (Беседу вел Л. Виноградов) // [Электронный ресурс]: адрес с экрана: http://www.pravoslavie.ru/guest/borodin/htm.
8. **Бородин Л.** "Мой срок - возмездие за то, чего в приговоре нету". (Беседу вел С. Шаргунов) // [Электронный ресурс]: адрес с экрана: http://www.filgrad.ru/texts2/bor/bor18.htm.
9. **Бородин Л.** Без выбора: автобиографическое повествование. - М.: Молодая гвардия, 2003.
10. **Казанцева И.** Проза Л. Бородина: Дис. ... кандид. филолог. наук: 10.01.01. - Тверь, 1994. - С. 5.
11. **Клеменко Е.** В ожидании Афродиты, или Парадоксы прозрения // Литературное обозрение. - 1991.- № 6. - С. 67-69.
12. **Нестерова Л.А.** Нравственно-эстетические взгляды Л. Бородина на литературу (На материале неопубликованного интервью) // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н. И. Вавилова. 2006. № 4 (2). С. 83-85.
13. **Огрызко В.** Из поколения шестидесятников: Материалы к словарю русский писателей XX в. - М.: Лит. Россия. - 2004.
14. **Русские писатели XX в.:** Библиографический словарь / гл. ред. и составитель П. А. Николаев. - М.: БРЭ. - 2000.
15. **Савкина И.** Помочь не отчаяться // Север. - 1992. - № 2. - С. 149-155 и др.
16. **Чупринин С.** Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник: В 2 ч. - Ч. 1.: А-Л. - М.: Вагриус. - 2003.

[1] Отметим, что музыка в прозе Л. Бородина часто говорит намного больше, чем может сказать слово. Нередко музыка, являясь важным семантическим фоном в произведениях писателя, обогащает их, открывая невидимые через другие элементы поэтики смыслы («Музыка моего детства», «Ушёл отряд» и др.).